

Феллини по-цыгански

Общая газета, -1999
- 9-15 дек. - с. 9

Кустурица скрестил Бабеля с театром «Ромэн»

ФИЛЬМ «Черная кошка, белый кот» самый именитый режиссер из разорванной войны и распрями Югославии Эмир Кустурица снял, нарушив собственный же обет больше ничего не иметь общего с кино. После гигантской фрески «Андерграунд», потребовавшей четыре года тяжелых съемок и принесшей сначала высшую награду в Каннах-95, а потом долгую травлю французских «леваков», он отрекся и от публики, и от критиков, ничего не понимающих ни в политике, ни в искусстве. Возвращение Кустурицы в кинематограф стало почти вторым рождением режиссера. Он как бы отрешился (что нетрудно, живя во Франции) от постоянного пожара на Балканах и политиканства, которое завело в тупик не только героев «Андерграунда», но и самого режиссера. И снял сказку в духе феерических фантазий Феллини, где два мафиозных цыганских клана мирно обжуживают друг друга, два замороженных покойника, растопив лед, возвращаются к жизни, Ромео и Джульетта уезжают искать счастья живыми и здоровыми, а дитя свободы Кармен находит себе пару под стать. Это зрелище красочное, забавное, глуповатое и явно перебивающееся через край. Кустурица впервые работает в легком жанре опереточного комикса, поэтому

здорово перегрузил хлипкий сюжет номерами из базарных шоу. Ему самому это видится «ископаемым кино». Но на самом деле, если переодеть героев высокотехнологичного киберпанка типа «Пятого элемента» (кстати, фильм Кустурицы снимал Тьерри Арбогаст, оператор Люка Бессона), то получится ровно такая же каша — пища грубая, но здоровая. О рецепте своего блюда, отмеченного в Венеции призом за лучшую режиссуру, рассказывает сам Эмир КУСТУРИЦА.

— Меня часто спрашивают о символике названия картины. Никакой символики нет. Как говорил Дэн Сяопин, неважно, черная кошка или белая, главное — чтобы она поймала мышь. Фильм назван так для того, чтобы сразу сказать зрителю о том, что цыгане совсем иначе относятся к жизни — они не принимают рациональных объяснений, но во всем руководствуются предрассудками и больше всего боятся с ними расстаться. Мне хотелось выразить свое восхищение самыми простыми и естественными вещами: я вернулся к реальности, цвету и свету, избавился от трагического восприятия жизни, поэтому в моем новом фильме смерти нет. В современном кино очень мало настоящих эмоций и много технологий. На этом фоне я

с моим фильмом выгляжу как ископаемое.

В фильме снимались непрофессиональные актеры. Рядом со Скопье, столицей Македонии, есть деревня — там расположена одна из самых больших цыганских колоний на Балканах, где на протяжении веков сохраняются давние традиции и уклад жизни. Только там я смог найти эти лица — ни на кого не похожие и удивительные. В юности я читал книги известного русского писателя 30-х годов Исаака Бабеля. Его творчество очень повлияло на меня, особенно при съемках этой картины. Бабель писал об изгоях, их ранимости и уязвимости. В характерах его мелких гангстеров — такая же бесшабашность и коварство, что и у моих цыган. В современном мире, становящемся с одной стороны все более интегрированным, с другой — все более расистским, всякая оригинальность и самобытность подминаются катком промышленной цивилизации. Но я не уверен, что универсальные модели Microsoft — панацея от всех бед. Скорее, я проголосую за модель цыганского существования, где есть все, включая криминал и насилие, но именно поэтому есть и их альтернатива.

Цыгане обладают эмоциональной силой, которая просто околдо-

вала меня. Они создали свой собственный жанр взаимоотношений с жизнью, который ломает рамки всех жанров. Это тип насмешки или пародии — ведь они ничего не воспринимают всерьез. Они легко идут по жизни, и это мне нравится. Когда я попадаю к цыганам, я словно возвращаюсь домой. В «Мертвец» Джима Джармуша есть персонаж по имени Нигде — вот я такой же. Когда-то давно журнал «Time» написал обо мне: «Победитель Венецианского фестиваля — никто и ниоткуда». С тех пор ничто не изменилось.

Кадры со свиньей, поедающей брошенную машину, вполне вписываются в пейзаж современной Югославии. Эту картинку из фильма в каком-то смысле можно считать образом всей моей страны. У меня в квартире в Сараеве, например, теперь развернулся Фонд боснийских писателей, их председатель называет меня предателем. Когда человек, занявший твой дом, обвиняет тебя в том, что ты не возвращаешься, это слишком. Они хотели использовать меня как знамя, но я оказался недостаточно мусульманином...

И.Л.

Премьера фильма — 10 декабря в кинотеатре «Ролан» (Чистопрудный бул., 12а).